

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук Ладынина Ивана Андреевича
на тему: «Начало македонского времени в категориях традиционного
мировоззрения древних египтян конца IV–начала III вв. до н.э.»
по специальности 07.00.03 – « Всеобщая история (история Древнего
мира)»

Политико-идеологическое значение исторического эпизода, удачно названного И. А. Ладыниным «началом македонского времени» в Египте, далеко выходит за рамки истории только древнеегипетской цивилизации. Начало македонского времени – первый и решающий этап «превращения греко-македонской монархии в монархию восточную», идея которой «через 300 лет, опять-таки благодаря Египту... весьма пригодилась римским императорам, а через них, еще раз на восточной почве – византийским, а затем уже и европейским»¹. Однако, если практические аспекты случившегося при этом взаимодействия эллинов и египтян в основном уже ясны, то в нашем знании об *осмыслении* египтянами свершившейся перемены зияют пробелы. Устранение таковых – насущная задача науки о древнем мире, и потому нельзя не приветствовать появление фундаментального труда И. А. Ладынина, имеющего целью «определить специфические черты восприятия начала македонского времени древними египтянами, оценивая при этом степень преемственности этих черт с предыдущими этапами в

---

¹ Тураев Б. А. История древнего Востока / Под ред. В. В. Струве, И. Л. Снегирева. 3-е изд. Л., 1936. Т. II. С. 204.

эволюции их мировоззрения» (т. I, с. 51). Комплексного исследования, синтезирующего данные как египетских, так и античных источников по всему спектру соответствующих вопросов, в мировой науке до сих пор не было.

Масштабный замысел рассмотреть «проблемы «образа Иного» в сознании египтян в начале македонского времени практически *в исчерпывающем объеме*» (с. 10)² привёл И. А. Ладынина к созданию квалификационного сочинения исполинской протяженности – более 67 авторских листов. Поскольку подробный и доказательный разбор каждого его раздела в рамках письменного отзыва оппонента заведомо невозможен³, ограничусь в дальнейшем лишь оценками данного исследования в целом.

I. Точность постановки исследовательских задач и основательность их решения в труде И. А. Ладынина во многом предопределены незаурядной широтой его историографического кругозора. Прилагаемый список литературы в тринадцать сотен наименований на шести языках почти без изъянов учитывает публикации по всему широчайшему кругу рассмотренных в диссертации вопросов (с. 180–257). При этом автор замечательно глубоко понимает соответствующий историографический процесс, что придает представленному во введении обзору литературы и самостоятельную ценность (с. 24–51). Подобное можно наблюдать и в предшествующих публикациях И. А. Ладынина⁴. Кроме того, обстоятельными историографическими комментариями снабжены большинство разделов основной части диссертации и важнейшие памятники, рассмотренные в них.

---

² Курсив мой, – А. Д.

³ В диссертации почти полторы тысячи страниц прежней машинписи, и одно только перечисление её основных разделов (с. 2–7) превысило бы привычный размер отзыва.

⁴ Напр., *Ладынин И. А.* Глава 2. Проблемы политической истории и хронологии древнего Египта. Древний Египет и окружающий мир в зарубежной и отечественной историографии. Глава 3. Общество и государство в древнем Египте в зарубежной и отечественной историографии. Проблема древнеегипетской идеологии царской власти // *Историография истории древнего Востока. Учеб. для вузов / Под ред. В. И. Кузицина.* Ч.1. М., 2008. С. 122-202, 203-279.

В ряде случаев стоило бы учесть посвященные хронологически смежному периоду египетской истории труды А. В. Эдакова⁵.

II. Главное препятствие при изучении восприятия египтянами государственности начала македонского времени – сравнительная малочисленность отражающих эту сторону жизни источников и «трудность вычленения в них соответствующей информации» (т. 1, с. 10). Фундаментом исследования И. А. Ладынина стало поэтому определение корпуса пригодных источников, с чем он успешно справился. Нельзя сказать, что какие-то памятники были введены в научный оборот впервые. Но даже при этом в результате кропотливого рассмотрения доступных материалов удалось существенно расширить круг источников информации. Работа с определением источниковедческой базы, проведенная на высоком профессиональном уровне, является, на мой взгляд, одной из сильнейших черт данного диссертационного исследования.

Важным результатом этого стало – ценное и само по себе – уточнение датировок ряда текстов: статуи «анонима из Баклии» (т. I, с. 299–309), надписей в гробнице Петосириса (т. I, с. 387–400), жизнеописания Уннефера (с. I, 414–428), и т.д. Даже там, где для окончательного решения еще понадобятся дальнейшие исследования, сделанные И. А. Ладыниным наблюдения и умозаключения представляются очень перспективными. Другое его достижение – раскрытие прежде не замеченных «аллюзий» на интересующие нас исторические события и явления в памятниках, казалось бы, давно учеными освоенных. Достигнутое расширение корпуса источников стало возможным благодаря филигранной исследовательской технике И. А. Ладынина, в т.ч. готовности разрешать загадки палеографического и лингвистического свойства.

---

⁵ Эдаков А. В. Общество и государство древнего Египта VII–IV вв. до н.э. Дисс... д. и. н. . Санкт-Петербург: СПбФ ИВ РАН, 1993; *он же*. Позднеегипетская литература. Новосибирск, 1986; *он же*. Общество и государство древнего Египта VII–IV вв. до н.э. Новосибирск, 1988; *он же*. Египетское государство в VII–IV вв. до н.э. // Государство на Древнем Востоке / Отв. ред. Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина. М., 2004 . С. 187–203; и т.д.

Источниковая база диссертации включает в себя древнеегипетские памятники персидского, македонского и начала птолемеевского времени, а равно грекоязычные и латинские свидетельства, транслировавшиеся в текстах разных эпох вплоть до византийского времени. Как египтолог не могу не отметить разнообразие освоенных автором источников древнеегипетских – письменных, изобразительных, вещественных. Учтены храмовые постройки начала македонского времени и надписи в них, в т.ч. на храмовой утвари (напр. т. I с. 323–327); «царские тексты» IV–III вв. до н.э., постановления высокопоставленных должностных лиц («Стела Сатрапа»), поминальные «самопрезентации» (автобиографии, жизнеописания) жрецов и чиновников, пророчества и оракулы («Демотическая хроника», «Пророчество ягенка»), ритуально-магические тексты («Книга победы на Сетом»), изображения царей, включая статуи «соколов-Нектанебов», которым автор прежде посвятил особое исследование (с. 109–110)⁶, и т.д. Это разнообразие письменных источников потребовало от исследователя прочтения всех основных разновидностей древнеегипетской письменности: иероглифики, иератики, демотики.

III. Методологическая основа исследования И. А. Ладынина, четко изложенная и убедительно обоснованная на с. 54–64, полностью соответствует поставленным целям и задачам, а также специфике привлекаемых источников. В основе авторской реконструкции древнеегипетского восприятия македонских правителей лежит выверенный историко-системный подход, простирающийся от фундаментальных постулатов государственной идеологии до мельчайших обстоятельств жизни и карьеры отдельных исторических персонажей. При этом многие значимые результаты получены на основе прямо-таки «микроанализа» древнеегипетских текстов на уровне палеографии, лексикологии, стилистики,

---

⁶ *Ладынин И.А.* (4) «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 3–26.

семантики, и т.д. (напр., разбор обозначений лиц, власть предержавших, на «Стеле Сатрапа» (т. I, с. 277–298)).

IV. Однако следствием увлеченности автора интерпретацией сравнительно немногочисленных источников стало и приписывание отдельным древнеегипетским текстам смыслов, «коннотаций», на мой взгляд, им не свойственных.

Скажем, некоторые случаи предполагаемого «опозиционного» отрицания «сакральности» македонского правителя уместнее истолковать лишь как совершенное отсутствие в источнике интереса к данной теме. Целью поминальных жизнеописаний (см. т. I, с. 310–322) была не характеристика состояния страны, а прославление их владельца. Потому умолчание в них о царе и «наделение властными эпитетами» богов, (т. I, с. 317), может объясняться просто тем, что владелец не удостоился персональной благосклонности государя. В такой ситуации – даже при полной верноподданности – принято было объяснять свои успехи и благополучие милостью властвующих над мирозданием богов. Перед нами не «опозиционность», а широко распространенный феномен «индивидуального благочестия», находивший свое выражение «в автобиографических надписях, составленных в форме молитвенного или благодарственного обращения к божеству», где жизнь автора «излагается как проявление промысла»⁷. Тем более не свидетельствует о «принципиальном отказе земным правителям в статусе сакральных царей-ритуалистов» то, что владельцы жизнеописаний похваляются своим «попечением о простых людях» (т. I, с. 319). Поскольку цель жизнеописаний – прославление единственно их владельцев, даже сетования Петосириса на неустройство в стране и отсутствие служителей в храмах всего лишь призваны оттенять его личный вклад в хозяйственное процветание храма Тота.

---

⁷ Тураев Б. А. Древний Египет (Классика исторической науки) / Сост., предисловие, коммент., биограф. очерк О. В. Томашевич. М., 2007. С. 150.

Трудно согласиться и с догадкой, будто в добавлении царского титула, картуша и благопожелания к имени Дария III на стеле Bucheum 2 из Арманта «отразились пропагандистские мотивы, исходившие на этом этапе от окружения Александра Великого» (т. I, с. 485, см. также с. 492–493, 495, 533, т. II, с. 163). Даже если «в окружении Александра» такие «пропагандистские мотивы» существовали, невозможно объяснить как они достигли жрецов в далеком захолустном Арманте⁸, и зачем бы те поспешили отразить их на похоронной стеле священного быка, вовсе не предназначенной для политической пропаганды. Вместе с тем, легко можно представить себе храмового писца, без долгих раздумий просто вписавшего имя предшествовавшего Александру правителя в привычный формуляр подобных надписей. А до наличия или отсутствия у Дария III «статуса сакрального царя-ритуалиста» этому писцу просто не было дела. Страна давно уже переживала частые политические потрясения, завоевания и смены властителей, которые, однако, «не вели к резким переменам в социально-экономическом устройстве и зачастую никак не отражались на общем чрезвычайно высоком уровне египетской экономики»⁹. Поэтому вопрос о наличии «сакрального» дара «царя-ритуалиста» у каждого отдельного правителя не слишком занимал египтян начала македонского времени, а сомнение в таковом не всегда свидетельствует об «оппозиционном восприятии власти македонских правителей», тем более – об отказе им в «легитимности» (т. I, с. 310–442, 69–70, т. II, с. 163). Как отмечает в Заключении сам диссертант, египтянам было свойственно «негативное отношение не столько к Аргеадам (таких свидетельств в нашем распоряжении нет), сколько к их мировой державе и их агентам» (т. II, с. 173).

---

⁸ Культ Бухисов еще не приобрел к этому моменту даже региональной известности (ср. мнение Ф. Боск-Пуче, приведенное в т. I, с. 481). Никаких признаков внимания к Арманту правителей раннего македонского времени нет, и во всем пространном тексте рассматриваемой диссертации он более не упоминается. Даже Фивы того времени должны были представляться Александру «далекими, заброшенными и захудалыми» (Тураев Б. А. История древнего Востока. С. 204).

⁹ Эдаков А. В. Общество и государство древнего Египта VII–IV вв. до н.э. Новосибирск, 1988. С. 3.

Вообще же, проблема «сакральности» фараонов в Позднее время еще очень далека от её разрешения.

V. Подчеркну, однако, что эти и другие возможные возражения не мешают согласиться с главными новаторскими выводами диссертации И. А. Ладынина.

Убедительно показав, что цари дома Аргеадов были признаны легитимными правителями Обеих земель, автор детально проследил развитие их титулатуры, объяснил её тончайшие нюансы (т. I, с. 210–243). Замечательно подробен и вместе с тем аналитичен раздел о культовом строительстве этих царей. Выявив «децентрализацию» такового в правление Александра IV, И. А. Ладынин приходит к выводу, что реальный правитель Египта сатрап Птолемей не проявлял заинтересованности в повышении авторитета своего далекого малолетнего государя (т. I, с. 244–264). Скрупулезное рассмотрение античных свидетельств позволило И. А. Ладынину не только уточнить последовательность священных быков Аписов, чтившихся в Мемфисе в IV в. до н.э., но и сделать важные наблюдения о высочайшей значимости этого культа в религиозной деятельности и пропаганде Александра Великого и затем сатрапа Птолемея. На основе сообщения Арриана и «Романа об Александре» автор даже предполагает прохождение Александром Великим в Мемфисе египетского коронационного ритуала. Для египтологов это было бы событие даже более значимое, чем знаменитый визит Александра к оракулу Амона в оазисе Сива. Изобретателен и тонок проделанный в диссертации анализ упоминаний и характеристик Птолемея, сына Лага, на знаменитой «Стеле Сатрапа» и в ряде других иероглифических текстов (т. I, с. 277–309).

Со всей возможной полнотой И. А. Ладыниным прослежена и объяснена эволюция древнеегипетских представлений VI–III вв. до н.э. о взаимоотношениях Обеих земель с окружающим миром. Тщательно реконструированы значения и коннотации термина *stt*, с определенного момента ставшего привычным обозначением переднеазиатских империй. К

рассмотрению восприятия египтянами этой внешней угрозы удачно привлечена «Книга победы на Сетом», недавно подробно проанализированная и в подготовленной под руководством И. А. Ладынина кандидатской диссертации К. Ф. Карловой. Автор убедительно показал, что, вопреки древнему постулату о власти фараона над всем человечеством, к началу македонскому времени в Египте возобладали настроения изоляционистские, затем поддерживавшиеся и Птолемеем (т. I, с. 113–144).

Плодотворным оказалось многолетнее исследование И. А. Ладыниным исторического сознания древних египтян, в особенности историографической традиции их поздней древности. В диссертации, а равно и в недавней монографии этого же автора, показано, что к рассматриваемому времени египтяне понимали историю своей страны как последовательность трехчастных циклов, неизменно состоявших из фаз (а) устройства и расцвета, (б) «надлома» и (в) упадка. Преемственность между этими огромными циклами подчеркивалась благодаря историографической конструкции, где царь-основоположник первой фазы («фазы расцвета») нового цикла изображался сыном последнего царя цикла предшествующего. Заметным толчком к распространению этой конструкции в древнеегипетской письменности могли стать тексты, прославлявшие царей XII династии Аменемхата I и Сенусерта I – несмотря даже на случившиеся при «царесыне» семь гибельных голодных лет.

Особым вкладом в науку является проделанное И. А. Ладыниным исследование образа древнейшего египетского царя-завоевателя, известного как «Сесострис», «Сесонхосис», «Сесоосис», и т.д. (т. II, с. 56–160). Широтой охвата античных и древнеегипетских и текстов оно заметно превосходит все предшествующие публикации на сей счет.

Помимо специально выделенных «основных положений диссертации, выносимых на защиту» (т. I, с. 66–72), ряд глубоких обобщающих суждений приведен также в Заключение. Среди них очень значимым представляется вывод о том, что «в доступных нам источниках, по сути дела, не представлен

образ македонских царей, македонян, греческих или азиатских подданных Аргеадов как «чужих» в смысле формирования применительно к ним стереотипов на собственно этнокультурной основе» (т. II, с. 173).

Диссертация И. А. Ладынина – плод его четверть вековой неустанной и плодотворной исследовательской деятельности, основные результаты которой уже опубликованы в монографиях, в ведущих российских и зарубежных научных журналах, прошли апробацию на десятках представительных международных научных форумов (см. т. I, с. 72–73). Можно с уверенностью констатировать, что рецензируемый труд по сложности замысла, комплексу решаемых главных и частных задач и масштабности научных выводов превосходит всё когда-либо написанное на эту тему. Его проблематика и информационный потенциал лежат далеко за обозначенными хронологическими рамками. Как в практическом, так и в теоретическом плане диссертация И. А. Ладынина является фундаментальным вкладом в науку о древнем мире, а представленный в ней фактический материал, несомненно, будет востребован также для построений культурной антропологии (проблема «Иного», теория социокультурной адаптации), для потестарной имагологии, для учебных курсов по истории древнего мира, этнологии, культурологии, и т.д.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Её содержание соответствует паспорту специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (древний мир)» и критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Диссертация оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

